

Сяо Шанли вздрогнул от его низкого шёпота, а Лэ Юй, наклонившись, прижался к нему, снова и снова наклоняясь, чтобы поцеловать его слезящиеся ресницы. Набухший, красный член Сяо Шанли всё ещё был внутри Лэ Юя, и малейшее движение заставляло его задний проход цепко удерживать его. Сяо Шанли, недавно потерявший девственность и только начавший познавать радости мужской любви, уже извивался и задыхался от трения внутренних стенок.

Его глаза блестели от влаги, наполненные как любовью, так и ненавистью. Лицо пылало, а след на лбу был ярко-красным, словно готовым капнуть. Он пробормотал:

— Даже если бы я оказался на грани жизни и смерти, испытал невероятные страдания, я бы не проронил ни слезинки... Почему же именно перед тобой, получив малейшую обиду, я не могу сдержать слёз?..

Он стал таким, таким отвратительным, постоянно плачущим. Считая это позором, он закрыл лицо руками, похожими на нефрит, не зная, что его молчаливые слёзы, катящиеся из уголков глаз, лишь усиливали боль и любовь Лэ Юя к нему.

Сяо Шанли наконец перестал плакать, но его нижняя часть тела всё ещё была напряжена. Лицо было мокрым, как и место их соединения, словно омытое горячей водой. Они двигались ещё долго, пока наконец не наступила разрядка. В момент, когда Сяо Шанли был в забытьи, он услышал лёгкие хлопки в небе, и фейерверки осветили ночное небо, разноцветный свет проник в комнату.

Лэ Юй, лежа на боку, обнажённый, притянул его к себе и спросил:

— Весело?

Сяо Шанли прижался щекой к его груди, слушая, как его сердце ещё не успокоилось после любовных утех, и спокойно ответил:

— Весело.

Лэ Юй тихо засмеялся:

— А как в сравнении с дворцом?

Мирское богатство никогда не сравнится с великолепием небесного дома. Сяо Шанли не ответил, а вместо этого спросил:

— На улице весело, почему ты не пошёл?

Лэ Юй поднял его лицо, поцеловал в губы и сказал:

— Ты здесь, какое мне дело до веселья в других местах?

Сяо Шанли почувствовал тепло в сердце, обнял Лэ Юя за шею и снова прижался к нему,

поднося губы.

Их поцелуй разогрел всё тело, оставив серебряную нить слюны. Сяо Шанли закрыл глаза, прижавшись к груди Лэ Юя, и сказал:

— Ты обещал, что уедешь только через пять дней.

Сон внезапно стал нестабильным, Сяо Шанли резко обнял Лэ Юя, но тёплые объятия постепенно рассеялись, и он услышал лишь слова Лэ Юя:

— Я не обманул тебя.

Сяо Шанли проснулся, в Восточном дворце звучал дождь, барабана по крыше. Его нижнее бельё было холодным и скользким. Он сел, его чёрные волосы рассыпались по плечам, на лбу выступил тонкий пот, а на лбу проступил красный след. Вскоре дверь в купальню открылась, и вошёл красивый юноша в белом ночном халате, с румяным лицом, не скрывавшим след на лбу. Его лицо всё ещё сохраняло юношеские черты, а тело находилось на грани между юностью и зрелостью.

Три служанки помогали ему купаться, и его уже покрасневшая кожа стала ещё более розовой. С тех пор как он стал наследным принцем, он был занят днём и ночью, почти не спал, а после этого сна, опёршись на край бассейна, позволил нежным рукам массировать его плечи и шею, погрузившись в горячий источник, словно в объятия того человека. Он не смог устоять перед усталостью и ненадолго закрыл глаза.

Вскоре наступило время рассвета, и сегодня снова был дворцовый совет. Он открыл глаза, и за тонкой занавеской увидел женщину с аккуратно подведёнными бровями и высокой причёской, которая медленно поклонилась:

— Ваше Высочество.

Сяо Шанли сказал:

— В последние дни я всё думал, что за человек Лэ Юй. Он обещал мне не покидать столицу в течение пяти дней, хотя тогда он уже должен был знать, что я собираюсь напасть на него. Но он... раз уж пообещал, то должен был остаться в столице, несмотря на опасность. Су Цы, что ты думаешь?

Су Цы склонила голову и ответила:

— Да. По приказу Вашего Высочества, с момента провала окружения, мы убрали все видимые заслоны и тайно искали, не упуская ни столицы, ни её окрестностей, но до сих пор не нашли следов хозяина Лэ.

Она добавила:

— На самом деле, независимо от того, сдержал он слово или нет, теперь, когда срок в пять дней прошёл, хозяин Лэ наверняка уже покинул столицу. Но если он не нарушил обещания, тогда, после провала окружения, когда на глазах у всех появилась принцесса, он всё ещё оставался в столице. Где он скрывался и как смог задержаться ещё на два дня, чтобы выполнить обещание, а затем покинуть город? Место, где он находился, уже не под силу расследовать Павильону Весеннего Дождя.

Она говорила осторожно, но уже намекала на дворец или различные правительственные учреждения. Сяо Шанли, сжав губы, задумался, а затем улыбнулся и поманил служанку, которая удалилась, а другой человек подошёл, чтобы обтереть его и помочь одеться. Он тихо и холодно произнёс:

— Хунлусы...

Су Цы вздрогнула, подняла глаза, и Сяо Шанли в лёгких туфлях оказался перед ней. Служанка подняла тонкую занавеску, открывая яркий красный след на его лбу. Он сказал:

— Ты больше не из Павильона Весеннего Дождя, Управление Чуйгун может расследовать где угодно. Иди, расследуй Хунлусы.

А в это время, в ста ли от столицы, на реке стояло несколько больших торговых судов. Ещё не рассвело, это были торговцы из Ланна, корабли были украшены роскошно, пол в зале был выложен узорчатыми плитками, танцовщицы из Ланна танцевали, вокруг стояли столы для пиршества, и семь или восемь торговцев из Ланна лежали пьяные, их шёлковые одежды были свалены в кучу.

Танцовщицы были в золотых коронах, на плечах у них были золотые украшения, похожие на вершины пагод. На высоком троне сидел человек, наблюдая за танцами. Рядом было ещё два места, и высокий мужчина, то пьяный, то просыпающийся, поднял голову из объятий танцовщицы и протянул длинную, мозолистую руку. Улыбающаяся служанка из Ланна тут же положила чашу в его руку, раздался звон серебряных колокольчиков, танцовщицы кружились, а в нефритовой чаше было вино.

Лэ Юй лежал, наслаждаясь, и пил вино из рук служанки. Среди торговцев он тоже был одет в иноземный халат с узкими рукавами и отложным воротником, подпоясанный поясом из ракушек, но в отличие от жителей Ланна, любивших яркие цвета, он выбрал чёрный, что ещё больше подчёркивало его стройное и сильное тело. Вино текло по его шее, и служанка из Ланна вытирала его платком, её сердце трепетало.

Рядом с ним на троне сидел другой человек в халате с зелёным фоном и узорами из цветов, подпоясанный золотым поясом. Его кожа была немного тёмной, но гладкой, как мёд, а в глазах и на бровях была какая-то притягательность. Сейчас его лицо было румяным, и он сказал:

— Хозяин острова, почему вы, как бездомный пёс, бежали из столицы Южной Чу?

Лэ Юй, опираясь на служанку, встал и сказал:

— Улань Юй, твой китайский язык за десять лет не улучшился, не стоит его демонстрировать.

Отец Улань Юя был богачом из Ланна, с его времён они начали общаться с центральными странами, и его китайское имя было У Фулу. Он утверждал, что восхищается китайской культурой, женился на китаянке, и у него родился этот самый успешный сын. Его имя на языке Ланна было У Лу Аци, а китайское имя он выбрал сам, так как семья У разбогатела на вине, и он взял значение «Аромат золотого вина из Ланьлина», назвав себя Лань Юй.

Он был настоящим торговцем и нисколько не обиделся, продолжая говорить на ломаном китайском:

— Я, как и договаривались, под видом подношения прибыл в Южную Чу и помог хозяину острова избежать слежки и благополучно выбраться из Цзиньцзина. В Хунлусы говорят, что хозяин острова рассердил нового наследного принца, и поэтому вас так преследуют. Не могли бы вы рассказать подробности... как у нас говорят, вода сделала несколько поворотов?

Лэ Юй, словно в пьяном бреду, сказал:

— Я украл одну вещь.

Улань Юй сделал вид, что удивлён:

— Неужели вы украли ту самую нефритовую печать старого императора Южной Чу?

Одна из служанок из Ланна подошла и что-то прошептала.

Улань Юй провёл рукой по брови и сказал:

— Она говорит, что жена хозяина острова проснулась.

Лэ Юй встал, на его лице было сожаление, но когда он сделал два шага, опираясь на служанку, он оттолкнул её, схватил Улань Юя и, с пьяным дыханием, громко сказал:

— Я украл сердце первой красавицы поднебесной.

В задней части корабля занавески были опущены, как облака, на шёлковых занавесках были золотые узоры, на мягкой кровати сидела беременная женщина, с тонкими бровями и высоким носом, довольно красивая, но с худыми щеками. Её глаза смотрели на волны за бортом, служанки из Ланна молчали, не решаясь подойти. В средней части корабля раздался шум, и мужчина с группой служанок и слуг вошёл внутрь, сразу подошёл к её кровати, а слуги толпились у двери, затаив дыхание.

Он был очень высоким, одетым в чёрный халат с золотыми узорами и отложным воротником, подпоясанный поясом из ракушек, в кожаных сапогах, выглядел таинственно, словно принц из заморской страны. От него веяло алкоголем, вызывая и уважение, и страх. Ланхуань побледнела, отвела глаза, но поднялась и поклонилась:

— Господин Лин.

Лэ Юй, с пьяным взглядом, смотрел на неё с некоторым давлением:

— Ты не боишься, что я убью тебя?

Она напряглась, провела рукой по животу под тёплым одеялом и тихо сказала:

— Если бы господин хотел меня убить, он бы не кормил меня столькими чудесными лекарствами эти дни.

Лэ Юй засмеялся, сложил руки в поклоне и сказал:

— У вас смелое сердце, в эти дни я многое скрывал, прошу прощения. Я Лэ Юй, могу ли я узнать ваше имя?

<http://bllate.org/book/15272/1348116>